

ТАВРИЛО

а.
ась
он
робь

СЕКРЕТАРЬ С „УКЛОНОМ“.

Рассмотрев на экстрен. собр. заявление секретаря Григор. райкома КСМ (Екатеринославщина) „о езде комсомолки Шурки на велосипеде“, райком постановил: „исключить из комсомола за некоммунистическое поведение и партийную невыдержанность“.

(Коммунист).

Центральная Научн.
учебн. и учеб.-метод.

БОЛЬШОЙ:—Скорее слезь с машины, а то в аккурат секретарь ячейки КСМ идет, а как я думаю подавать анкету, он мне этого мелко-буржуазного уклона никогда не простит.

В ремонте.

Живу в ночежке, как мазурик,
В саду, под лавкой, жил опричь.
Благословен и лес и сурик,
Известка, охра и кирпич!

Идет ремонт в моей квартире.
Весь пол там в глине и песку.
Я тоже, время не транжира,
Ремонтируюсь в отпуску.

Пью, как целебную микстуру,
Кефир и козье молоко.
Доверясь солнцу-штукатуру,
Шатаюсь в парке голяком.

От физкультуры крепнет сила.
В восторге подвожу итог:
Не руки—балки и стропила,
Стальной фундамент вместо ног.

Боюсь себя, братишки, взвесить:
Ах, чую, хороня мечту,
Что прилепилась к животу
„Пристройка“ фунтов в пять иль
десять!

Боюсь, распухнет бомбой зад,
И ряшка—на манер тарелки.
Покрылся бронзой мой „фасад“.
Светлей в квартире от побелки.

Стена и пол белей пурги,
А я—черней голландской сажки.
Чиню себя и дом и даже
Отдал в починку сапоги!

М. С.

ОТКОМХОЗНАЯ ФИЗКУЛЬТУРА.

— Здорово Иванов по физкультуре
успел. Сажень в ширину перепрыгивает.

— Чепуха. Вот в нашем районе сей-
час ремонт мостовых, так даже пацаны
через двухсаженные ямы перепрыгивать
наловчились.

Непредвиденный случай.

(Рассказ растратчика).

Даже как то неловко, дорогие
варищи по несчастью, говорить об этом.
Или не говорить? Нет, не скажу. А
жет, все таки рассказать?

Ведь, главное, за человека обидно.
За Обмылкина. Может, знаете? Кассир
он был в конторе по бумажной части.
Худощавый такой и в очках. Наверное,
знаете.

Так вот, за Обмылкина этого
обидно (то, что я сижу, не важно). В
мог он быть человеком, как все. Та-
нет. Как это говорится: „одна худая
все стадо портит“. Овца не овца,—а
раном этого Обмылкина назвать след-

Дело было так.

Явились однажды служащие
службу своевременно, в полном составе.
Даже сам заведующий не опоздал, что
в изумление не малое привел всех.
шел он в контору, внимательным взгля-
дом окинул служащих и нырнул к себе
за стеклянную перегородку.

А все почему то не торопятся
ступить к работе: кто газету исподти-
читает, а кто успел раньше прочесть
тихую беседу с соседом ведет. Только
и слышно „шу-шу да шу-шу“.

Оказывается, в соседнем учреж-
дении кассир очередную растрату совер-
шил. Ну совершил, так совершил, а
то что? Не ваши ведь деньги, народный.
Однако, все объяснилось: Обмылкин
этого самого нет. Человек он акку-
рный, всегда за пять минут до нача-
занятий приходит, а тут уже 9 ч. 15
Обмылкина нет. А в этот день как раз
платежи на крупную сумму и банк-
ский чек у Обмылкина.

10 часов, 11, нет его. Сидят слу-
щие, волнуются, а главный бухгалтер
даже от волнения чуть ложечку не при-

тил и чай расплескал на главную
гу.

Кто то догадался, в банк позвонил.
етили, что был такой с утра, деньги
учил.

Сами понимаете, самочувствие у всей
торы ниже среднего. Заведующий
из-за перегородки не показывается.

Часам к 12 открывается дверь и
дит... Кто бы вы думали? Обмылкин.
едный, весь в поту и портфель к жи-
ту прижимает. Огляделся он по сто-
нам, вышел на середину помещения
зак бухнет на колени. Бьет себя ку-
зом в грудь и жалобно так говорит:

— Простите, товарищи, а я не могу
ыше. Должен сознаться...

— Ну—думают служащие—дело ясно:
ратра. Обомлели все, в том числе и
ведующий. А на пишмашинистку столб-
напал: так и застыла с губной пома-
вруке и одной недомазанной губой.

А Обмылкин продолжает:

— Не могу, товарищи, не могу...
ль, поймите: девять тысяч, как одна

копейка, а не могу... эту растрату под-
лую совершить. Простите, ради бога.
Вот они, деньги...

И заплакал. Что было! Поднялась
суматоха, воду суют Обмылкину. А он
не пьет. Только зубы по стакану дробь
выбивают.

Заведующий сгоряча так такое
ляпнул:

— Ну успокойтесь, Обмылкин. Бог
простит. Чего с человеком не бывает,—
но сконфузился и, махнув рукой, отбыл
за перегородку с Обмылкинским порт-
фелем.

Что-ж вы думаете? Увольнили скоро
Обмылкина. Под подозрение попал, ду-
мали—инсценировка в смысле будущих
благ. А кассиром назначили другого
служащего.

Вы спрашиваете, откуда я такие
подробности знаю?

Так я же этот самый кассир, кото-
рого назначили вместо Обмылкина... Из-
за этого барана я и сижу...

Туз.

В бане.

Толчея и спор у душа
В гуляком гаме и пару.
Под дождем, черед наруша,
Красно-розовая туша
Бьет ладошей по бедру.

— „Гр-гражданин, какого чорта,
Вы не женщина, чтоб вас
Пропускать вперед... „Задор-то!
Злюсь, вскипая, как реторта:
Заскочило мыло в глаз.

— „Чай, платил не больше денег?“

— „Видно, непман!“ — „Фон-барон!“

— „Взять березовый бы веник

И со всех бы со ступенек

Непача из бани вон“.

Но нахал о могучим кряком,
Отдувается, как мех,
До воды холодной лаком.
И потом вареным раком
Озирается на всех.

— „Фу-у, остыл...“ Напрасны толки.
Он душою чист, как мел.

— „Виноват“, — грит, — „палки-елки,
Полежал на верхней полке
И от жару очумел“.

МИХЕЙ.

КЛУБМЕНЫ.

— Вы переходите на украин-
ский язык?

— Нет, на якутский: „еду“ в
Нарым.

СРЕДИ АГЕНТОВ ПО РАСПРО- СТРАНЕНИЮ.

— Я за три месяца 60 чер-
вонцев заработал.

— А я наоборот,—за 60 чер-
вонцев—три месяца.

Точный ответ.

— Почему вы 5 месяцев не уплачива-
ли членских взносов?

— Боялся, чтоб не растратили.

— Очень жаль, душечка, что я пешек не захватил. А то можно было бы в шаши сыграть партию—другую...

Когда из за рака свистнули.

В харьковск. поликлиниках бывают случаи, когда тяжело больные по нескольку месяцев дожидаются операции.

Забойкин парень откровенный: что у него болит, он о том и говорит.

— Товарищ доктор, рак у меня.

Это хорошо,—одобрил доктор.—Не у каждого это. А ежели рак, да еще варенный, да с пивцом...

— Оно и с соленым бубличком хорошо,—согласился Забойкин,—а вот насчет желудка то как?

— Ах, желудка? Сущая чепуха,—чик и готово!

— Операция, значит?

— Разумеется. Не успеете глазом моргнуть—уж все и кончено. Хирургия.

— А когда же это резаться можно?

— Господи! Да хоть сию минуту. Можете даже прилечь и штаны уже растегивать. Вот жаль только, что хирург в отпуску, через месяц вернется.

Забойкин поскреб в затылке.

— Мерсите вас за ласку, а только негоже мне здесь целый месяц хирургии вашу дожидаться. Направьте лучше в другую больницу.

— Да сделайте ваше одолжение!—радостно засуетился доктор.—Какая больница вам приглянулась, в ту и направляю. Хотите в тринадцатую, командирую, а если „чертову дюжину“ не одобряете—в двадцать четвертую валите. Ну?

В двадцать четвертой Забойкину подвезло: хирург оказался на месте и принял его, как серьезно больного, вне очереди сто сорок вторым.

— На что жалуетесь?—строго спросил он.

— На ваши порядки—уныло бросил Забойкин.— Два дня

со своим раком ношусь, а толку нет.

— Рак раку рознь—строго оборвал хирург.—Иной рак и месяц ждать мож...

— Ну, а мой как-бы вроде нетерпеливого,—усмехнулся Забойкин,—под анафема лезет. Вот диагноз моей поликлиники.

Прочитал хирург бумажку, по плечам.

— Да, действительно вам нужна срочная операция; а все же придется обождать. У меня одна женщина даже рожать отложила, потому раба по горло.

— Когда же, хоть приблизительно?—прошпал Забойкин.

— Наведайтесь недельки через три. Да вы не унывайте. У нас все ждут. Один вчера от аппендицита помри и хоть бы слово.

— Волком взвыл несчастный Забойкин и, схватив „командировку“, бросился в следующую клинику...

Бегал он и в другие.

Наконец, убедившись, что ему режут рак „когда рак свистнет“, Забойкин решил это дело ускорить и „свистнул“ сам... кого по зубам, а кого просто по шее.

Операцию сделали на другой день.

Сергей Чмелев.

Маленькое затруднение.

Капиталисты организовывали единый фронт против СССР.

Вспомнили про эмигрантов.

Пригласили всех „императоров“ и спросили:

— Можете выступить?

— Можем,—ответили генералы.

— Получайте монету.

— Рады стараться!

— Не пропейте, смотрите.

— Никак нет! Нам бы...

— Снарядов? Будут вам и снаряды.

— Мы бы хотели... Нам бы...

— Пулеметы? Медикаменты...

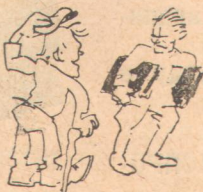
— Мы хотели просить вас о более существенном...

— Ага! Газеты? Брошюры? Агитационный аппарат?

— Никак нет... Охрану бы...

Солдатиков сотенку—другую. Не ловко, знаете ли, так, без людей работать.

Д. Г.

— Не знаете ли, тов. гражданин, где музей Гаврилы?

— Я не здешний. Я с 1-ой страницы—по велосипедной части.

НА УЛИЦЕ.

В одной из людных улиц
лежала „моментальная
графия“. У полотна, изо-
яющего своим подозри-
ым фоном нечто среднее
Черным морем и Харь-
кой мостовой после ливня,
праздношатающаяся

— Снимают?

— А что же! Теперь всюду
ают. Меня, например,
со службы сняли.

— Вы бы пиджак скинули—
аается фотограф к снима-
муся провинциалу. Между
жакетом-с и жаркой погодой
никакой гармонии.

— Не скину!—огрызается
аемый.—3 минуты стою,
спирок и след простыл. Вот
гармонии не захватил—
действительно, жалко.

— Необразованность серая!—
чит фотограф.— Попрошу
ать серьезное лицо на
ер Smyчки с городом. Да
— Поумнее.

Снимающийся чешет заты-

Фотограф тигром набрасы-
ется на него.

— Не шевелитесь. У меня
пестинка—очень чувстви-
ельная, и я за нее не ручаюсь.

Наконец, через час „пяти-
нутный“ снимок готов. Сня-
ый смотрит на карточку и
вляется:

— Да неужто это—я? Такой
живой?!

— Вы-с. А что поинтереснели,
вам же лучше. На то
и фотографии. В натураль-
ном виде вы свою физиологию
и в зеркало увидеть мо-
жете.

— Вылитый Чемберлен!—за-
мечает кто-то из толпы.

— Ну-ну, товарищ, полегче.
Такие слова ответить мо-
жете.

— А здорово!—восхищаются
некоторые.—Лет на десять по-
молодел. И омолаживаться не
мало.

— Только вот спинжака не
видно—сокрушается жертва
фотографии.—Рубаха какая-то,
место спинжака, вышла.

— А не я вам говорил!—
нимите пиджак?—торжествует
фотограф—потому у меня
пестинка—чувствительная и
ды не переваривает.

— Это ничего,—успокаивает
провинциала „дядя“ с подби-
тым глазом.—У нас, на Холод-
ный, так снимают, что после
только пиджака, а брюк и
сапог не увидишь...

Провинциал со вздохом от-
читывает 50 коп. Публика
быстро расходится, привле-
ченная каким-то новым зрели-
щем.

Шило.

ТОЖЕ КАТАСТРОФА.

— Со мной на днях катастрофа в „Новой Ба-
варии“ приключилась.

— Да что вы! Вас ранило при крушении?

— При чем тут крушение? Просто я всю получку
в „Новой Баварии“ пропил.

НЕ ДАЛЕКО ОТ ИСТИНЫ.

— Знаете, некоторые из наших кино признаны
неблагополучными в пожарном отношении.

— Еще бы! С таким репертуаром прогореть не
мудрено.

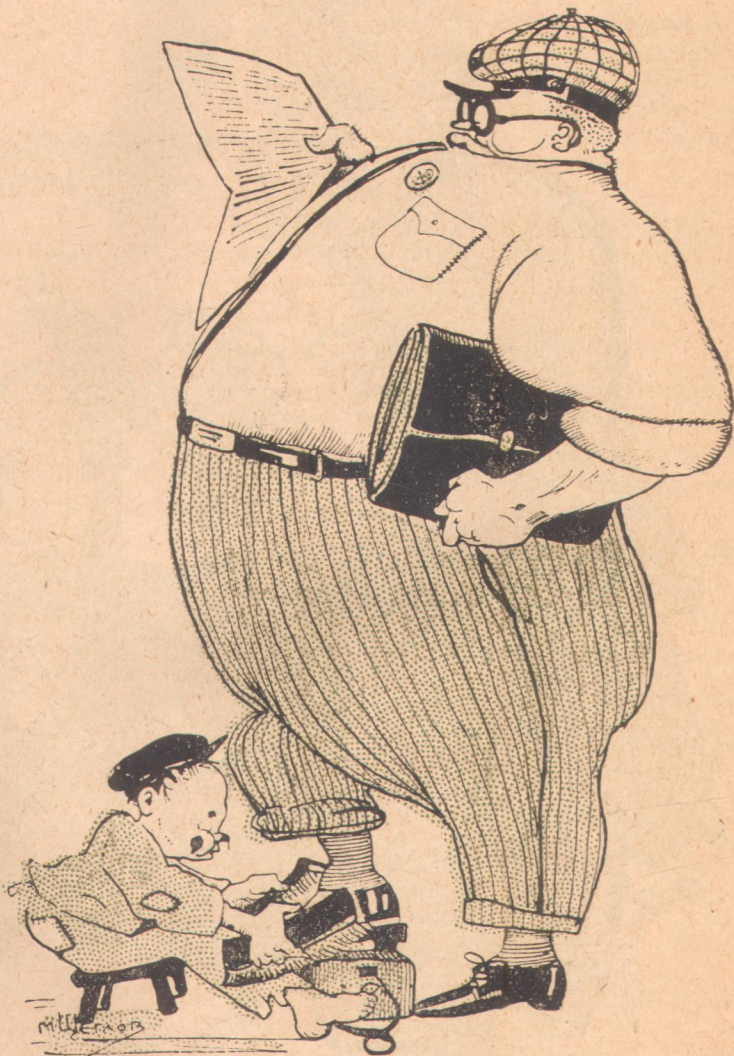
В ПОРЯДКЕ ВЕЩЕЙ.

— Что это трамвай стоит?

— Току нет. Ток то ведь у нас—переменный.

— Оно и видно: по двадцать перемен на день.

СУЩЕСТВО ПО СУЩЕСТВУ.

МАЛЬЧИК:—Так можно работать год и не узнать, по
существу, с кем имеешь дело...

За чужие грехи.

Я достал квартиру.

Чего мне это стоило, не скажу: пусть это останется самым мрачным пятном на моей совести.

Собственно говоря, это не квартира, в старом смысле этого слова.

Чарующий запах конского навоза и деликатные сквозняки со всех многочисленных щелей свидетельствовали о том, что здесь когда-то обитали существа четвероногого типа, предназначенные

для развозки воды, а, может быть, и пассажиров.

Но... Здесь было подобие окна, был потолок и даже дверь. И в списке домовостроений означенная конурка квалифицировалась, как „жилое помещение“.

Квартиру я отремонтировал. Чего мне это стоило, тоже не скажу. Это второе темное пятно на моей совести.

В квартире была электрическая проводка, даже со счетчиком.

Переселился, устроился, зажег свет и почувствовал себя счастливым и полно-

правным плательщиком подоходного и прочих налогов.

Однажды (все несчастья начинаются с однажды) придя вечером домой, я стукнулся лбом о дверь, ударился затылком о шкаф, напоролся коленом на какой-то стул, из чего навело меня на грустную мысль, что электричество у меня выключено.

На утро — я в конторе электростанции. Привожу свой разговор с личностью, от которой все зависит, со стенографической точностью.

— Здравствуйте! — сказал я личности.

— Мое почтение! — ответила личность.

— Я к вам по делу. Четыре дня, как устроился в квартире, а мне свет выключили.

— Какая квартира?

— А вот на такой-то улице, номер такой-то, комната такая-то.

— Ага, знаю. За вами долг. 145 рублей, 32 с копейки.

— За что? Ведь я всего 4 дня...

ТЯЖЕЛАЯ ОБЯЗАННОСТЬ.

В с. Рай-Александровке, (Слав. района) во время заседания суда отсутствуют народные заседатели. Обыкновенно на розыски отправляются или сам судья или уборщица.

— И тяжело это, Сидорыч, быть народным заседателем; четвертые сутки без пищи под скамьей лежу.

— Знаю. Но до
там была ко-
ня чихтреста,
который не упла-
за энергию...
мы и выключ-

— Позвольте, но
я не чих-
... На всякое
танье" не на-
равствуешься.

— Это безразлич-
Долг числится
вашей кварти-

— Но...
— Н и к а к и х
... Уплатите
рублей, 32 с
коп., и мы вам
включим свет.
Я набрал по-
льше воздуха
тегкие и начал
начала.

— Давайте вы-
ним дело. Моя
миллия Чубы-
... А долг чи-
сится за чихтре-
... Следова-
тельно...

— Долг числится за той квартирой,
которую вы занимаете.

— А при чем здесь квартира? Это
шки одни привязываются к кварти-
... а мы не кошки. Не квартира пла-
... а те, кто живут в квартире.

— А вот вы и платите.
— Но ведь я не чихтрест.
— Это безразлично.
— Я ничего не должен...
— Это безразлично...

Я никакого отношения не имею
чих...

— Это безразлично.

— Но вы идиот!

— Это без... Позвольте. Зачем вы ру-
жетесь?

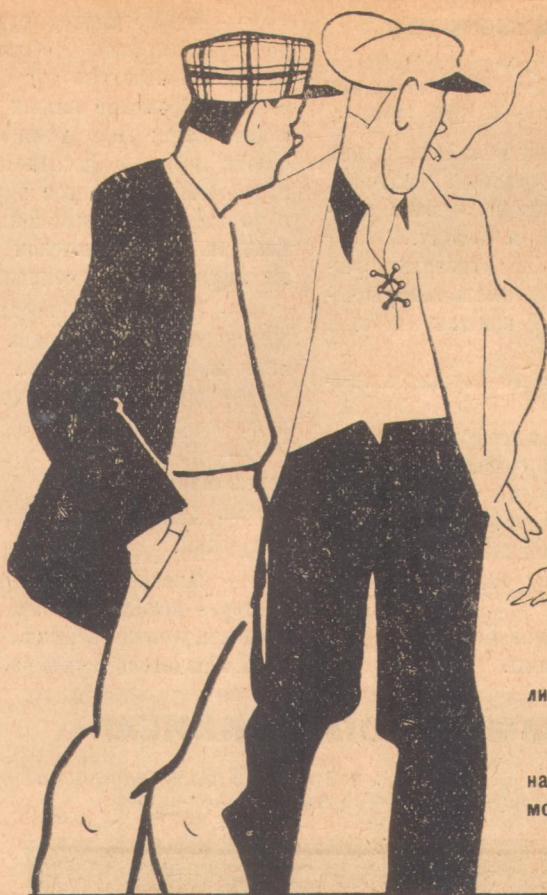
— Это я не вас. Это я своего знако-
го Петрова.

— Но ведь я не Петров, а вы меня
звали идиотом.

— Это безразлично. Аника Воин.

...у вальше. Уж очень хочет-
... Говорят, там админи-
... Сталинзакода выставлена.

Верный признак.

— Из этих беспризорных за-
лихватские растратчики выйдут.
— Что так? Бегают хорошо?
— Нет. С одного и того же
начинают: те с сумм, а эти с су-
мочек.

Я. Мейер

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ.

— Ну, Николай Петрович, сознавай-
тесь: много набрали?

— Что вы, что вы! Еще за предзав-
кома какого-нибудь примут! Отродясь не
брал.

— Да я не о том. Сколько фунтов на-
брали на курорте?

В МУЗЕЕ.

Поп: — Богоотступники мерзкие! Вы
только посмотрите, о. Павсикакий, куда
они мощи преподобного Митрофания по-
местили!

Сторож: — Не туды, отец, пальцем
тычешь! Это мощи египетского фараона
1-ой династии.

НА СУДЕ.

— Подсудимый, вы обвиняетесь в со-
вершении плагиата по ст...

— Ничего подобного, гр. судья. Статья
тут не при чем. Если и был грех, так
только насчет стихотворения.

„Имитация под замшу“.

„Эмигрантский съезд в Париже.
решил избрать Исполнительный
Комитет во главе с Нак. Никол.“

— Господа, мы хронически терпели поражения потому, что не идем в ногу с веком. Знайте же, уважаемые сензоры, что будущее сейчас принадлежит только трудящимся, а потому...

Все собрание замерло, а председательствующий Николай Николаевич выронил вставную челюсть и только беспомощно шлепая губами, смотрел в рот оратору.

Последний же, нисколько не смущаясь, выморкался и продолжал:

— А потому говорю я, нам необходимо срочно полеветь. Нужно попытаться сразить врага его же оружием, он нас Марксом, мы его Энгельсом, он нас Энгельсом, мы его Марксом. Короче говоря, да здравствуют советы трудящихся эмигрантов!

Раскусивши в чем дело, зал загремел от рукоплесканий.

— Bravo, князь Гагарин! Бис!

Оратор между тем продолжал.

ТЕЛЕГРАММА С ОПОЗДАНИЕМ.

Риффяне, действуя в тылу испанцев, отрезают сообщение с побережьем.

— „... И еще поздравляю вас, Ваше Превосходительство, с одержанной Вами победой над врагами и желаю, чтобы и впредь Ваши дела были так же хороши, как сейчас...“

— Мы должны объединиться в организации по пролетарскому образцу. Прежде всего предлагаю обратить сугубое внимание на безземельное положение наших незаможных сельчан. Судите сами: граф Ртищев, владевший некогда сорока тысячью десятина, сейчас не имеет ни пяди земли и торгует в разное папиросами в то же время, какой-нибудь Голопушенко Кобеляк владеет наделом в 10-15 десятин. И же здесь, господа, социальная справедливость!

— Правильно! — загудела октава Святополк-Мирского. — Они отобрали у нас дворцы и заставили жить в хижинах...

— Мир хижинам, война дворцам! — взвизгнула мадам Кускова.

— Да здравствуют комитеты бедноты! — ревел Марков второй.

— Хай живутъ комнезами! — добавил Соропадский.

— Многие из нас, — продолжал надирать штаны оратор, — исполняют сейчас самую черную работу: владелец десяти фабрик служит в сапожной мастерской, обладатель двух первоклассных кафе работает

на заводе токарем.

— Вся власть рабочим! — загудело собрание. — Долгой жизни! Да здравствует социальная революция! Кто семь лет не работал, пусть ставит всем! «Боже царя храни!» Урра!!!

И переходя к другому вопросу, заметило, как оно пришло к ресторану «Белый Лебедь», где стеновое вношение вноше бранного «предисполкома» затянулось далеко за полночь...

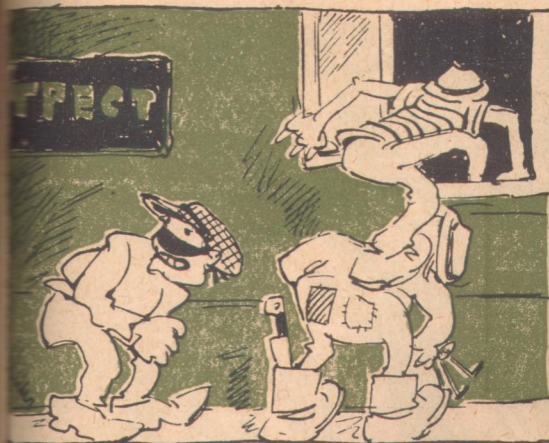
Гарри Бальди

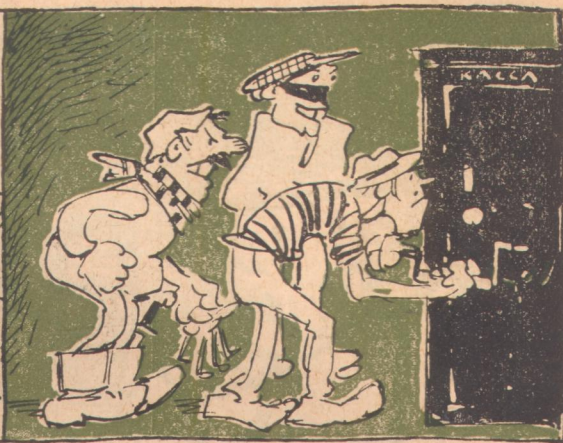
— Гаврило! Братик! Вот спасибо, что встретился. Где он музей твой?

— Вали, браток, на 11 страницу. Которая рядом с 10-ой. Там музей.

наз, в котором фигурирует касса, из за которой вышло неприятностей масса, или к чему иногда приводило чтение журнала „Гаврило“.

Темной ночью три бандита,
Прошептавши деловито:
— „Кто не трудится, не ест“, —
На работу влезли в трест.

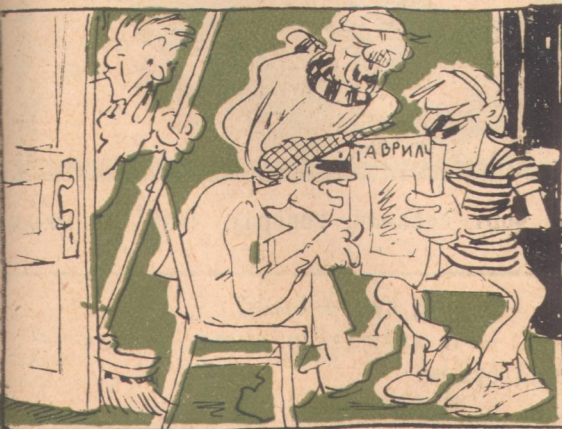
У массивной кассы встали.
Верещит сверло по стали;
В предвкушении монет
Сладко слушать — спору нет.

Тройка даже рты раскрыла:
— Вот так фунт! Журнал Гаврило!
И цена вся 20 коп.
Погоди, братишки, стоп!

Время терпит. Нам не к спеху...
— Хо-хо-хо! Умру от смеху!
Испущу, братишки, дух!..
На дворе пропел петух.

Позабывши все на свете,
Увлеклись они, как дети...
Утром сторож смотрит: — Мда,
Надо сбегать кой-куда.

Вдруг раздалось в стенах треста:
„Руки вверх! Живей! Ни с места!“
И бандиты мыслят: — Эх,
Влипли! Вот тебе и смех!..

Туз.

(Продолжение следует).

На Основе за последнее время было зарегистрировано два вооруженных нападения на трамвай. Предполагают, что оба ограбления дело рук одной и той же шайки. (Из газет)

НАЛЕТЧИК:—И сколько раз я тебе, чорт собачий, говорил, чтоб ты мне не привозил медяков!..

ГОРЕ—ОСНОВАТЕЛИ.

— Слышали? Белогвардейцами в Америке заложен „Новый Петроград!“

— Заложен то он—заложен. Да чем выкупать будут, если за землю еще не уплачено?

— Под судом были?

— Я, гражданин судья, всегда под судом.

— То есть как?

— А так, что над моей квартирой помещается камера народного суда.

— Допер все-он, музей. Дай Па-а-теща!.

МУЗЕЙ ГАВРИЛЫ.

Шиворот-навыворот.

Читатель, увидев этот эскиз, скажет:— Или художник неправильно нарисовал, или напечатали неправильно.

И может это так быть... Почему же? Почему Горюховская шахтасса (Донбасс), выдавая своим путежки на курорт, неกล้า поступать шиворот-навыворот: больных туберкулезом направлять на Кавказ, а астматиков— в Крым. В результате „больные должны были с курорта возвратитуся, менять путежку“. Значат, может страхасса?! И мы, следовательно, можем себе позволить это. Чем хуже? То-то!

Плохая „марна“.

На рисунке изображен кисель. Что и говорить, хорошая штука, вкусная. Но ежели бы мы, дорогие товарищи, предложили пойти за 7 верст этого киселя похлебать, вы бы сказали: „Спасибо, что-то не хочется“.

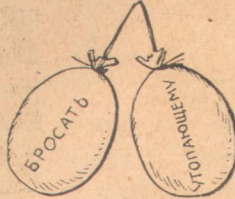

А вот рабочие рудника „Карла Маркса“ (да они ли одни) в Криндачевке, отправляются за 7 верст на почту, чтобы похлебать киселя... то бишь, купить марки и конверты или отправить письмо. Нет, не то что почтового отделения, ящика почтового нет. Не даром рабочая братва сетует, на „соответствующие органы“. Незажные эти органы. Плохая у них „марна“.

Пловучий цех.

Читатель, вы когда-нибудь видели бычьи пузыри? Конечно, видели. Даже плавали на них, наверно, в детстве. Но на

тот случай, если представление о таких пузырях начало изглаживаться в вашей памяти, мы и изобразили их на рисунке. Это пузыри, которые приходится во время работы надевать рабочим тракторного цеха завода „Красный Прогресс“ в Б. Токмаке. Весь цех залит водой, трактора стоят в воде. Многие рабочие обижаются, что их не посылают на курорт,

к морю. А зачем далеко ходить? Можно в цеху покупаться, поплавать и, на худой конец, удочку закинуть. Авось, попадется на крючок какой-нибудь „карась“ из администрации.

„Штучка с ручкой“.

Ручка, которую следовало бы приделать к механику Екаторининских паровозных мастерских, Щербакову, кладущему в конторе во время разговора с рабочим ножки на стол. Пришел к нему рабочий— проработавший на одной работе 5 лет и получавший все время по пятому разряду— просить о переводе на другую работу с повышением разряда. В ответ Щербаков положил ноги на стол и невозмутимо заявил:— Перевести мы вас переведем, но не в шестой разряд, а в третий.

При чем же здесь ручка?— спросите вы.— Неужели не знаете? Ах, какие вы недогадливые...

„Пришей кобыле хвост“.

Брючки, в которые закладывает ручки, присланный из Кременчугского техникума в токарный цех полтавских паровозных мастерских— техник т. Комиссаренко.

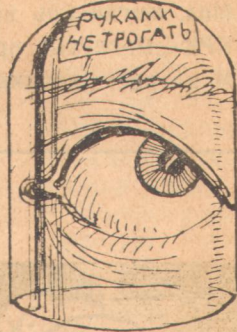

„Целыми днями он простаивает около какого-нибудь токаря и ведет разговор на тему— о курортах, о женщинах и пр. ерунде. В разговоре с рабочими держит себя по мешавски“... Ничего

подобного, дорогие товарищи. И вовсе он не мешанин. Лодырь он, вот что. За что человека понапрасну хаете?

Дремлющее око.

К этому экспонату мы отнеслись с особенным вниманием, под стеклянный колпак его поместили. Пусть хоть смотрят на него люди, все равно пользы никакой. Это, видите ли, „Око“ изюмской милиции, которая не видит, что

„каждый день лица свободных профессий— цыгане— режутся на базаре на торговых скамейках в „очко“. В воздухе висит сплошная ругань— матерщина“. А тут же рядом детвора бегают и берет с них пример. Вот оно, какое око! Смотрит в книгу, а видит фигу.

Иди доказывай...

Это вот— верблюд. Ясно? Верблюд, который, если он не докажет, что он верблюд и что состоит из мяса, костей и кожи,— рискует попасть в переплавку на Сталинзаводе, так

как там „в скрапе, идущем на переплавку, попадают: скаты, ватонеток, буферные тарелки, шестерни, машинные части“. Злые языки говорят, что на очереди несколько исправных паровозов, заводские машины и... администрация, которая, не смотря на то, что об этом писали в газете, „осталась глуха“. Плавить, так плавить! Вали кулем, потом разберем!

ГЛАЗ НА ДОНБАСС.

Рабочему—клепальщику Рутченковского р-на, шахты № 31 (Сталино), получившему по постановлению КРК надбавку и пришедшему к заву Мигаю за подписью, последний ответил так:—Ты что же это, надбавку. Да я тебе расчет за это дам.
Коммунист.

Зря волынить нет расчета,
Зав Мигай—большой добряк:
От надбавки до расчета
„По мигайски“ только шаг.
Все же так у нас ведется:
Мол, мигай иль не мигай,
КРК „мигнуть“ придется
И на вас, „добряк“ Мигай.

На Пролетарском р-не, в Коммунар (Кр. Рог), штейгер Тихон без господарства не говорит с рабочими. За чем бочий к нему ни обратился, не назовет „господин Горлов“ не обратит никакого внимания.
Кр. Горлов.

По натуре, видно, лих он,
Трудно старое забыть.
Потому то Горлов Тихон
ГОСПОДИНОМ хочет быть.
Для подобных есть лекарство:
Их излечит жизнь сама,
Если, вместо „господарства“,
Здесь не горе от „ума“.

КАЙЛО.

В тесноте, да не в обиде.

ДАМА:—Слушайте, гражданин, уберите свои ноги.

КОНДУКТОР:—Он не слышит, потому как голова его уже вышла...

„Хозяйственники“.

Дом № 57 по Чернышевской грозит рухнуть. Необходимо откомхозу подумать срочно о ремонте или о переселении жильцов во избежание катастрофы.

е, в
ер Го
е же
ем бы
и, есл
тов—
ания
рияк.

1-ый ОТКОМХОЗОВЕЦ 2-му:—А ведь дело то, кажется, без ремонта обошлось. Кстати, у нас тут по плану Новопроезжий переулочек пролегать должен.

История одной квалификации.

— Через неделю у нас—квалификация!—объявил как-то жене Сеня Гузиков.

— Ты бы подготовился, Сеня!—забеспокоилась жена. —Неровен час,—срежут—еще три месяца без службы будешь.

— Ну, чай,—не страшные вопросы задавать будут—ответил Гузиков. —Ежели это—с головой, так пройти, что плюнуть.

— Не говори так, Сеня!—поучительно заметила жена. —Мало ли какие вопросы задать могут! Вот в РСФСР такие вопросы на квалификациях задавали, что, пожалуй, и не ответишь.

— Ну уж и не отвечу?!

— А вот и не ответишь. Как, например, может влиять сгущенность атмосферы на амортизацию машин сталелитейного цеха? Почему „шестерня“ называется „шестерней“, а не „пятерней“ или кистью? Ага! А можно-ли транспортную комиссию назвать трансмиссией?

— Н-да, это, действительно—пролепетал Гузиков—что же теперь делать-то?

— Об этом уж предоставь мне позаботиться—заявила жена.

На другой день она явилась со службы, с целой грудой книг.

— Вот! Садись и учи!—поощрительно обратилась она к мужу. —Самонужнейшие книги: вот „Конструктивизм в машинном деле“ и „История электрофикации в СССР“, а вот доклад т. Пионерова на тему „Приводной ремень и к чему он иногда приводит“.

— Ну и названия мудреные — ужаснулся муж—значит ночами не спать?!

— Ничего. Не поспишь недельку—зато через квалификацию пройдешь.

С невыразимой грустью Гузиков посмотрел на желтеющую вдаль вывеску „Новой Баварии“ и, тяжело вздохнув, уселся за книги.

С тех пор жизнь его превратилась в пытку.

— Опять ты ни в зуб ногой о процессуальности производственного труда!—строго замечала жена.

— У меня уже голова не варит—оправдывался Гузиков. —Уж больно мудреный язык. Не для рабочего.

— Что ты!—удивилась жена—это самые популярные книги по машиноведению...

Накануне квалификации, когда жены не было, к Гузикову зашел приятель.

— Брось это грязное дело!—посоветовал он—идем-ка лучше в пивную. Сегодня я угощаю.

— И правда, все равно ни черта не пойму!—решил Гузиков—идем!

Ночевал он у приятеля, а на следующий день, придя домой из союза, коротко бросил:

— Срезался!

— Ага! Теперь будешь знать, как пить накануне квалификации! Что же тебя спросили?

— Да такой простой вопрос задали, что стыдно было и не ответить.

— О разнице между валом и трактором?

— Нет. Совсем простой: меня спросили—что такое профсоюз!

Битюгов.

По разному.

Аркадий Петрович вернулся с курорта.
— „Набрали фунтишек?“—Какого там черта!

Поправишься, как же. Других разнесло,
А я так набрал только пару кило.
Рулетка, железка, бессонные ночи,
А рядом еще санаторий рабочий.
Под утро тревожным забудешься сном,—
„Вставай, поднимайся!“—орут под окном.
Ну, встанешь, оденешься. Выйдешь: жар-рища!

Зайдешь в ресторан... Ну какая уж пища?
Хотя и питание—здоровья залог,
Пять блюд пустяковых осилить не мог.
Глядишь, как проходит за группой группа.
Так тянется день бесконечно и глупо.
И море и горы наводят тоску,
Нет, лучше уж дома, чем так в отпуску...

Рабочий Михалкин вернулся с курорта.
— Анисья! Друг ситный! Поддай мне топор-то,

Маленечко надобно дверь обтесать:
Не влезу. Ведь, знал, а забыл написать.
Гляди-ка, жена, реvizуи аккуратнo.
Ядрена смородина! Пожил я знатно.
Не так, как живет буржуазная знать.
Кабы не признался, меня-б не узнать.
Лафа на курорте! Купайся да шамай.
Как сядешь обедать—трещит за ушами.
Там воздух—что надо! Куда твои щи!
А море! Другое такое сыщи.
Ну солнце, конечно, да всякие ванны...
Подправились наши Петры да Иваны.
Теперь производство поднимем на ять!
Эх, ежели-б на будущий год да опять...

Нума.

Изобретатель.

И до чего это теперь народ пошел изобретательный, прямо таки уму непостижимо. Увидят, примерно, кошку или собаку, или другую беспризорную скотину, так тут же ей и изобретут жестянку на хвост, чтоб, значит, развлечение получить в бесплатной порции.

Вот и вчера тоже...

Сидим мы с другом-приятелем в частной столовке, да ведем промеж себя дискуссию в рассуждении второго, еще не поданного, блюда.

— Узнать надо,—волнуется мой приятель,—может тот, что подает нам, мученическую кончину принял на кухне?

— Нет,—говорю,—не может этого быть, потому сейчас только вертелся он вон около того пузатого...

Так, мирно разговаривая, принялись мы обозревать окрестности столовой и, между прочим, всех посетителей.

И вдруг, вижу я: сидит насупротив нас эдакая орясина рыжая, да борщом малоросийским давится.

Потрясло меня это до глубины, хотел было сказать ему:

— Да что-ж вы, гражданин? Как можно торопиться так? Ведь, эдак и поперхнуться недолго!

Однако, сказать ничего не сказал, потому означенный гражданин рыжей масти, не кушав борщу, отвалился назад, икнул тяжело, посмотрел вокруг себя и вытянул кармана какую-то коробочку. Потом еще нул и вынул из коробочки самого что ни есть таракана.

Ну, думаю—что за чертоплешина?

А тот—(не таракан,—а гражданин, значит)—опускает таракана в остатки борща, толкает его в спину от тарелочных берегов на самую середину, да к-э-э-эк завопит:

— Безобра-а-а-зие!... Заразу разводите!

На крик хозяин примчался, да еще какая-то невзрачная личность под белым фартуком.

— В чем—говорят—суть дела?

А рыжий в ответ—таракана за передние ноги из борща тянет:

— Это—кричит—как принимать прикажете. Да вы знаете, чем вам это грозит?!

Те, конечно, пыр-мыр:

— Извиняйте—говорят—потому таракан есть несознательная насекомая... Таракану ему все равно; без понятий он, оттого и опасность в нем такая...

Рыжий в амбиции:

— Покажите—орет—такой закон-положение, по которому разрешается подавать с тараканом!

Шум поднялся; двое с соседних столов воспользовавшись случаем, дали ходу, и только не заплатив за обед, но еще и вилась с собой сперли...

... И чтобы вы могли подумать?

Схватили хозяева рыжего за рукав, повели куда-то за перегородку, а там—шу, шу, шу, шу, шу!

Смотрим, выходит через минуту рыжий за перегородки, ухмыляется подлец и какую-то бумажку с водяным знаком в руке мнет. Так и ушел. Даже двери не припер за собой.

Изо-бре-та-тель-ный пошел народец!

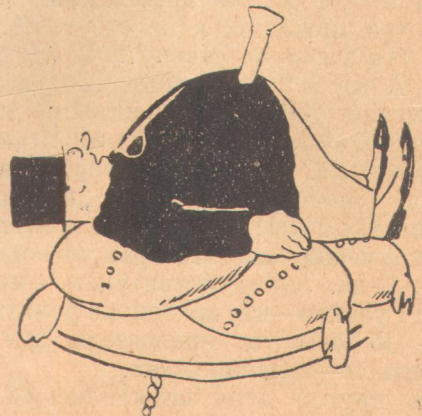
Ян. А.

Ж И Л К О О П С К О Е.

— Смотрите за этой жиличкой из 5 номера..

— А что?..

— Ох, такая плутовка, каких свет не видел... Вчера загляделись мы тут, а она уже успела свою лапшу сварить в нашем бульоне.

Под гармошку, обо всем понемножку.

Секретарь завкома 1-го Госкирпичного завода (Житомир) Смирнов, систематически напиваясь самогонном, однажды ввалился в красный уголок завкома, где изрыгая мать-перемать, грозил завкому и администратору выбить бубну.

А.Че-женко.

Подойдя к сему с изнанки,
Нужно **выбить** здесь, увя,
Не **бубну**, а **дурь** от пьянки
Из Смирновской головы.

Когда в Мерефянский и Люботинский РИК'ы приходит рабочий за справкой для страхкассы, от него требуют справки, что он застрахован. Ни профсоюзная, ни расчетная книжки, ни удостоверения с места службы не удовлетворяют сельских „чиновников“.

М. М.

Волокита, вот причина!
И чтоб, дело разрешить,
Полагаем, надо **чиновника**
Тех „чиновников“ **„лишить“**.

Гандикапе и прочих форсах.

Я ехал на ипподром со скромной целью — узнать, что это такое; я ехал вместе с моим приятелем Уткиным — знатоком всего, что хотя бы слегка касалось спорта. Он даже с извозчиком рассуждал не иначе, как:

— Эй, гандикап! Свободен? Можно ставить? Стартирую сюда, финиш Москалевка. За точность моей передачи — не ручаюсь.

Короче говоря, мы с Уткиным под'езжали к воротам ипподрома, когда внезапно откуда-то донесся звонок. Уткин встреонулся:

— А? Что? Фуко? Кто пошел? Ванько, па-тай к воротам!

Мы стремительно купили билеты и помчались к трибуне. Мимо нас верхом на лошади прогуливалось несколько разукрашенных и согнутых в три погибели людей.

— Смотри, — сказал мне Уткин, — старт. Сейчас пойдут.

— Кто? — робко осведомился я. — Эти вот?

— Ну, да. Эти. Пойдем ставить. Ты в двойнике, или ординаре?

— Гм... я в этом... А что ставить?

— Деньги, чудак. Два рубля. Так ты где?

— В этом... как его... двойнаре.

— Двойнике, — поправил меня Уткин. — Ну ладно. А лошадь я сам выберу.

— Вот, — сказал Уткин, — „Британия“, камзол красный, рукава голубые, картуз оранжевый. Неправда ли, удачно выбрал?

— Мне кажется, немного... пестровато. Ты бы поскромнее... Ну, хоть бы вот эту, — указал я на мирно стоявшую в стороне лошадь.

— Дурак! Это ж водовоз...

Где то зазвонили. Верхние выстроились рядом, какой то человек махнул флажком — и всадники помчались.

— Пошли! Пошли! — горячо заговорил около меня Уткин. Я оглянулся:

— Кто? Куда?

— Болван! Лошади пошли. Смотри: сбоят, сбоят, на хлысте в посах... Лезет на бровку, в хлысте, сбоят... ай!.. фуко на фаворите выходит!

Я растерялся и тихо одернул Уткина за рукав. Но он продолжал:

— Сбилась с гандикапа!.. Форс, Форс!.. Загоняй форвардом на аут! Идет, идет!..

Со всех сторон публика тоже галдела, бормотала и говорила на спортивном языке. Наконец, лошади мелькнули снова мимо нас. Уткин обернулся ко мне и спокойно сказал:

— Ну вот. Я же говорил, что „Британия“ не надежная лошадь. Проиграла! И какой дурак вздумал ставить на нее?

Я опустил глаза.

— Ну давай деньги, — продолжал Уткин, — будем дальше ставить. Только теперь наверняка. Читай тут.

— „Гандикап секундный. Приз 30 р. для 4-х л. коб. и жер. гос. кон...“

— Вот! Вот! — обрадовался Уткин, — это мне и надо было. Это вот — фаворит. Значит — выиграет. Понятно? А главное — гандикап.

— А что это значит? — „№ 6 пр. на старт“? — осведомился я.

— Гм... это значит, что № 6 придет на старт. Первой. Вообще, нарек такой тонкий...

... К сожалению — № 6, дряхлая кляча, пришла не первой, а восьмой.

Теперь я твердо знаю, что такое бега и скачки. Знаю даже, что значит „гандикап“.

— Гандикап — это тогда, когда фаворит на четвертом гите у самой форы делает заезд и под фуком на хлысте финиширует к старту, прижимая тотализатор к самой бровке около шоры и перехватывая собой в ординаре около ленточки двойника, и когда в результате всего этого в кармане остается на несколько рублей меньше.

Это самое главное правило.

Владко.

ПОСЛЕ ДВАДЦАТОГО ЗАСЕДАНИЯ.

— Стой! Руки вверх!

— Тыфу, на собраниях только и слышишь „прошу поднять руку“—и на улицах с тем же самым пристают.

56333

Укрголовліт № 892.

Харьков. Тип. Ц.К.К.П.(б.)У. „Коммунист“. Зак. № 5670.

Тир. 6.000.

[8-7 (05) (47714х), „1925“].

Цена 20 коп.

5917